

Неужели Линь Яньсин использовал древнюю письменность царства Юн, чтобы записать свои собственные стихи? Это было бы поистине ошеломляюще!

С каждой новой поэмой, которая «переводилась» с древнего текста, Линь Яньхун всё больше сомневался в «таланте» Линь Яньсина.

Он постепенно начал понимать, что имена, оставленные после стихов, вероятно, принадлежали их настоящим авторам.

Ли Бай, Ду Фу, Бай Цзюйи, Су Дунпо, Ли Шаньинь, Лу Ю...

Эти имена были для Линь Яньхуна настолько незнакомы, что, хотя он и был знаком с их «произведениями», он совершенно ничего не знал об их жизни.

Они словно появились из ниоткуда, а затем исчезли без следа, окутанные тайной.

Линь Яньхун даже начал думать, что, возможно, они вовсе не были уроженцами царства Лян...

Но если они были такими великими поэтами, способными создавать подобные шедевры, то даже если они и не были из области Лян, они должны были быть известны. Линь Яньхун, каким бы «неосведомлённым» он ни был, не мог совсем ничего о них не знать.

Наблюдая, как «знакомые» стихи один за другим появляются на бумаге, Линь Яньхун становился всё более озадаченным, не в силах понять, в чём же причина.

Он чувствовал себя так же, как когда был погружён в легенды о воплощении души и зловещей кошке, угрожающей стране. Он был в полной растерянности, не зная, что делать.

...

Ли Цзинчэн, который был ближе всех к нему и полностью посвятил себя ему, быстро заметил перемены в Линь Яньхуне.

Ранее он не участвовал в «изучении» Линь Яньхуна, потому что древние тексты были слишком сложны для ещё «юного» наследника князя Юй, выходя за пределы его понимания.

Ли Цзинчэн был лишь немного ревнив к тому, что Линь Яньхун часто говорил с учителем Чжаньхэ, поэтому, видя, как тот погружён в поиски символов, он не хотел вмешиваться.

Изначально, когда Линь Яньхун получил древнюю книгу и был очень рад, Ли Цзинчэн, хоть и чувствовал лёгкую горечь, не показывал этого, не желая омрачить его радость.

Но теперь, видя, как Линь Яньхун внезапно «погрузился» в свои мысли, даже до состояния почти отрешённости, Ли Цзинчэн начал беспокоиться.

Он заметил, как Линь Яньхун бессознательно написал на бумаге иероглиф «Ли», но вместо того чтобы обрадоваться, что тот написал его фамилию, он почувствовал странность.

Если бы Яньхун написал «Ли Цзинчэн», наследник князя Юй был бы в восторге.

Но выражение лица Яньхуна, когда он смотрел на этот иероглиф, явно не было нежным или ласковым... Он выглядел так, словно не узнавал этот символ, его глаза были пустыми, полными растерянности.

Поскольку они находились не в Башне Императорских Книг, а в комнате Линь Яньхуна, им не нужно было беспокоиться о чужих взглядах.

Ли Цзинчэн стоял рядом с ним, слегка расправив руки, словно обнимая его, и с беспокойством спросил:

— Что-то непонятно? Возможно, стоит спросить учителя Чжаньхэ, он наверняка сможет объяснить.

Ревность ревностью, но если Чжаньхэ сможет помочь Яньхуну избавиться от этого состояния, Ли Цзинчэн был готов терпеть, что Яньхун смотрит на учителя с восхищением.

В конце концов, это он дал эту книгу, так что он должен отвечать за объяснения!

Сначала Линь Яньхун не слышал, что говорил Ли Цзинчэн, но постепенно пришёл в себя, и его внимание полностью захватило «предложение».

На самом деле, Линь Яньхун уже думал о том, чтобы спросить учителя Чжаньхэ... Ведь тот был очень образован, и, возможно, он что-то знал об этих именах.

Но затем он начал беспокоиться: если он раскроет то, что содержится в древнем нефрите, не привлечёт ли это внимание нежелательных людей, что приведёт к ещё большим проблемам.

Эта дилемма также вызывала у него тревогу, он не знал, как поступить, чтобы развеять свои сомнения, но при этом не раскрыть себя.

В этот момент в его ушах раздался знакомый голос, сопровождаемый лёгким тёплым дыханием, которое слегка щекотало его ухо...

Линь Яньхун вдруг осознал, что Ли Цзинчэн снова оказался слишком близко, почти обнимая его.

Это «объятие» было бы вполне нормальным, если бы он был с волчонком, но между двумя мальчиками одного возраста оно вызывало странные чувства.

Линь Яньхун пошевелился, пытаясь вырваться из этой неловкой ситуации, но Ли Цзинчэн только крепче обнял его.

Подняв голову, он увидел сосредоточенный взгляд Ли Цзинчэна, который явно говорил: «Ты заставил меня волноваться, поэтому я не отпускаю». Линь Яньхун с лёгкой досадой ответил:

— Я понял, больше не буду думать о пустяках.

Линь Яньхун снял руки с талии и сердито посмотрел на него.

«Почему этот парень, даже в человеческом облике, всё равно ведёт себя как волчонок, постоянно хватается и трогает?»

Ли Цзинчэн не успел насладиться остаточным теплом, как Линь Яньхун заметил его тайные действия.

Он не чувствовал себя пойманным, напротив, выглядел уверенным:

— Ты похудел!

Из-за жаркой погоды у Линь Яньхуна пропал аппетит, а в последнее время он много работал, потеряв весь вес, набранный зимой и весной, что сильно расстроило Ли Цзинчэна.

Линь Яньхун, как будто успокаивая волчонка, погладил его руку:

— Спрошу тебя кое о чём.

Он не хотел продолжать тему, которая так напрягала Ли Цзинчэна.

— Если, допустим, у тебя есть человек, которого ты очень не любишь, и он, кажется, украл конфеты у кого-то другого, но утверждает, что это его собственные, и ты не можешь найти доказательства, что бы ты сделал?

Возможно, Линь Яньсин и был тем, кто «украл конфеты», присвоив чужие заслуги и гордо заявляя, что это его собственные работы.

Если бы можно было найти доказательства этого, Линь Яньхун без колебаний разоблачил бы его, даже если бы это стоило ему чего-то.

На вопрос Линь Яньхуна Ли Цзинчэн, не задумываясь, ответил:

— Если это человек, которого я ненавижу, зачем мне доказательства? Просто разоблачи его.

Линь Яньхун, который заговорил об этом лишь для того, чтобы сменить тему, вдруг почувствовал озарение.

«Да, они уже давно враждуют, так зачем им заботиться о том, настоящий ли талант у Линь Яньсина?»

Линь Яньхун почувствовал, что после разговора с Ли Цзинчэном всё стало ясно, и то, что раньше вызывало сомнения, больше не казалось таким важным.

Ли Цзинчэн, увидев, что на лице Линь Яньхуна наконец появилось облегчение, вздохнул с облегчением.

Он не знал, что произошло, но по крайней мере теперь настроение Яньхуна не было таким тяжёлым.

Он спросил в ответ:

— А ты как бы поступил?

— Я? Наверное, сделал бы то же, что и ты, — тихо, но твёрдо ответил Линь Яньхун.

Прошло некоторое время, и сначала в Академии Цинтун, а затем и в городе Юньтун начали переписывать сборник стихов.

Этот сборник словно появился из ниоткуда и, благодаря своим восхитительным строкам, стал всё больше распространяться. Имена авторов были неизвестны, но это не мешало ученикам переписывать их.

Когда Линь Яньхун увидел, как восторженные Чжан Цзяньи и другие принесли книгу, он понял, что его план начал работать.

Возможно, скоро он достигнет своей цели.

Когда Линь Цзюань, Чжан Цзяньи и другие пришли в новую келью Баньсюэ к Линь Яньхуну, даже всегда сдержанный и холодный Линь Цзюань и скрывающий свои эмоции Ляо Сыян не могли скрыть своего возбуждения, не говоря уже о более открытом Чжан Цзяньи.

Чжан Цзяньи, увидев, что Линь Яньхун всё ещё изучает «небесную книгу», которую дал ему учитель Ся, почувствовал досаду:

— Яньхун, неужели ты действительно собираешься отправиться в царство Юн в поисках древностей? Почему ты всё ещё смотришь на это?

Изначально, поскольку Линь Яньхун был племянником Линь Цзюаня и новым Аньшоу из Юньшуй, Чжан Цзяньи был к нему очень любопытен, поэтому при знакомстве вёл себя весьма активно.

После общения Чжан Цзяньи понял, что с Линь Яньхуном легко ладить, даже больше, чем с Линь Цзюанем, поэтому с чувством старшего товарища он заботился о нём.

Опасаясь, что новичку в академии будет сложно адаптироваться, Чжан Цзяньи часто приводил Линь Цзюаня, дядю Линь Яньхуна, к нему, и Ляо Сыян, естественно, тоже приходил.

Автор хочет сказать: Спасибо Мэнмэн Чжюю за поддержку☺☺(*J 3 ㄥ)

<http://bllate.org/book/17693/1651473>